

Тайны
Великих
Художников

*«Меня зовут Сальвадором – Спасителем –
в знак того, что во времена угрожающей техники
и процветания посредственности,
которые нам выпала честь претерпевать,
я призван спасти искусство от пустоты».*

Глава 1

Каталония, весна 1970 г.

Утреннее солнце заполнило бедную комнатку, и при ярком веселом свете нищенская обстановка показалась еще более убогой и жалкой. Пыльный, ветхий комод будто сник под метким прицелом лучей, потрепанный палас съежился, фотографии в самодельных рамках навевали печаль, хотя улыбающиеся на снимках люди, казалось бы, соответствовали хорошей погоде.

Анна резко села в постели, край одеяла, вывалившийся из разорванного пододеяльника, задел одну из рамок на поцарапанном, измазанном краской столе, и она полетела на пол. Стекло разбилось. Анна нехотя нагнулась, выудила из осколков фотографию и посмотрела на нее почти с отвращением. Разбилась — и хорошо. Она уже и не помнит, когда это было. Да и какая разница, если этого уже никогда не случится.

Мать, отец и она — Анна — стояли, обнявшись, на соборной лестнице и беззаботно улыбались такому же яркому, как сегодня, весеннему солнцу. Мать — стройная, хорошенькая, в длинном светлом платье с рукавами-фонариками, в туфлях на невысоком каблучке, с небрежно накинутой на собранные в строгий пучок волосы кружевной косынкой и довольно большой плетеной сумкой-корзиной в руках выглядела как барышня, сошедшая с полотна Ренуара. Отец — высокий, широкоплечий, облаченный в свой единственный, но зато по-настоящему парадный костюм с отпаренными лацканами и блестящими пуговицами пиджака и восхитительно ровными стрелками брюк, с задорным взглядом и открытой белоснежной улыбкой одной рукой заботливо поддерживал под локоток жену, другой крепко прижимал к себе дочь. Дочь в объектив не смотрела. Девочка задрала голову с копной веселых темных кудряшек, выбивающихся из короткой косы с огромным бантом, вверх и любовалась родителями. На девочке было длинное белое платье, туфли на малюсеньком, но все же каблучке, а на туфлях — серебристые пряжки, увитые гирляндами сверкающих бусинок. Ради этих туфельек мать сдала в ломбард старинную брошь, доставшуюся ей от бабушки, — свое единственное, кроме тонюсенького обручального кольца, украшение. Анна бы никогда не узнала, если бы не подслушала, как мама пожаловалась подруге, что, если бы не причастие дочери, она бы никогда... Ей очень хотелось возненавидеть туфли и отказаться от них. Но увы! Они были настолько прекрасны и сказочно невероятны среди всей самой обычной и даже довольно бедной одежды в ее шкафу, что расстаться с ними было выше ее сил. Анна нашептала отцу про брошь. Он ничего не ответил, только

едва наметившаяся морщинка на его лбу стала на долю секунды глубже и выразительнее.

А потом настал тот День первого причастия. Анна шла к собору вместе с другими такими же гордыми и счастливыми жиронскими мальчишками и девчонками и думала о том, что таких изумительно сверкающих пряжек нет ни у кого. А когда все закончилось и они вышли из церкви, и фотограф уже произнес сакраментальное: «Внимание! Снимаю!» — отец вдруг, извиняясь, вскинул вверх руку, попросил подождать и, будто фокусник, выудил из кармана ту самую старинную брошь! Он приколот ее на платье матери и замер, поддерживая жену и обнимая дочь. А Анна любовалась родителями. В глазах изумленной, пораженной, восхищенной матери застыл немой вопрос: «Как?» С лица влюбленного отца не сходила гордость и самодовольство. А десятилетняя Анна просто улыбалась, глядя на них и нисколько не сомневаясь в том, что так будет всегда.

Прошло всего восемь лет, а кажется, что целая вечность. По ощущениям Анны все это было в прошлой жизни. Она брезгливо откинула снимок, стараясь выбросить из головы счастливые картины прошлого. Все это как будто не про нее. Давно не про нее. Вот как раз эти самые восемь лет не про нее.

Отца сократили на фабрике. Это стало ударом. На фоне постоянных разговоров о наконец растущей экономике, которые слышались повсюду: из радиоприемников, в кафе, на рынке, — на фоне кричащих об экономическом подъеме заголовков газет и журналов потеря работы угнетала еще больше. Мать снова заложила брошь (о выкупе уже не было речи) и набрала вдвое больше заказов. Мать была неплохой портнихой

и копеечку зарабатывала всегда. Отец раньше гордился этим, всегда с упоением облачался в тот самый парадный костюм с блестящими пуговицами и на каждом шагу рассказывал о том, что это творение его ненаглядной Елены. А теперь от него даже пахло раздражением от собственной несостоятельности из-за постоянно сторбленной за швейной машинкой спины жены. Он все больше молчал, реже улыбался, замыкался в себе и лежал на диване, отвернувшись к стене.

— Папочка болен? — Анна почему-то сторонилась отца, который теперь казался угрюмым и озлобленным.

— Немного, солнышко.

— А что у него болит?

— Душа.

— Понятно. — Анна шла в свою комнату, брала кисти и краски и рисовала больную папину душу — темный вихрь черно-красной бури, поднимающейся из пепла разбитых иллюзий и уходящей в бездну темно-зеленой болотной тоски. Мать пугали эти картины.

— Что это за полосы и круги? Нарисовала бы лучше что-то понятное. Яблоки, например, или цветы. И зачем, вообще, это рисование. Иди лучше — я тебя шить научу.

Швей из Анны не получилось. Она только больно колола руки. Слез было много — толку мало, и мать, в конце концов, оставила ее в покое. Их альянс рухнул. Мать теперь коротала время с машинкой, отец с диваном, Анна за самодельным мольбертом, который отец смастерил для нее несколько лет назад. Все свободное время Анна проводила в художественной школе, вполуха выслушивая недовольство матери:

— Кому нужна эта мазня? И зачем только я отвела тебя туда? Художник — разве профессия? Кого она кормит?

— Сальвадора!

— Анна! Не смей меня! Где ты и где Дали?

Анна не смела перечить, уходила от конфликта, но все же шептала себе под нос:

— По крайней мере, мы оба каталонцы.

Примерно через год отец устроился на новую фабрику, но радости матери это не принесло. Новое место — новые знакомые, которые были поглощены идеей смещения Франко. Отец, наоборот, воспрянул духом, расправил плечи, заговорил лозунгами и уверовал в светлое будущее. Мать же, напротив, еще больше согнулась и тихонько нашептывала, что он закончит свои дни в тюрьме.

— Не каркай! — возмутился отец и миролюбиво просил родить ему второго ребенка.

— Одного еле тянем, — вздыхала мать и отводила глаза. Второго ребенка она тоже хотела: непременно мальчика, и чтобы такой же высокий, и умный, и, конечно, чтобы потом с образованием, чтобы не так, как родители. Ну и не как сестрица, конечно, возмнившая себя художником. Какой художник в Жироне, где, кроме художественной школы, и выучиться дальше негде? Мальчика хотелось отчаянно, но решиться было невероятно сложно. Матери казалось, что отца если не посадят, то непременно снова уволят за радикальные взгляды и ей придется одной тянуть уже не одного ребенка, а двух. А двое детей во времена Франко для испанца, что и говорить, это настоящая роскошь, а для ее семьи — роскошь непозволительная. И все-таки материнский инстинкт взял верх. Анне было почти пят-

надцать, когда ей сообщили о скором пополнении в семье. Она, конечно, обрадовалась. Не то чтобы она мечтала о братишке или сестренке — она мечтала рисовать. И ей казалось, что мать с появлением малыша смирится и отпустит ее, Анну, в Академию художеств в Мадрид. Ненадолго в доме воцарилась атмосфера счастливого ожидания. Семейные ужины снова проходили идиллически спокойно и тихо. Не было ни революционных лозунгов отца, ни нервных слез матери, ни желания Анны скрыться в своей комнате и выплеснуть смятение на холсте. Родители постоянно обсуждали мужские имена, потому что «девочка просто не может появиться, непременно будет мальчик, уж мы-то знаем». Анне было немного обидно, ей казалось, что и она по ошибке заняла место какого-то мальчика, которого мать хотела с той же невероятной силой, но не случилось. Она рискнула высказать свои опасения вслух, и, чтобы избавить ее от волнений, родители даже согласились на выбранное ею для брата имя, а мать сказала, пересилив себя:

— В конце концов, если все-таки снова окажется девочка, не надо будет беспокоиться об имени. Алехандро, Алехандра — какая разница!

Родился Алехандро. У Алехандро нашли муковисцидоз. Отец как-то сразу сник, он избегал подходить к тяжело дышащему ребенку и заранее настроился на скорый конец. Мать же, напротив, словно ополоумела в своем желании перехитрить судьбу. С горящими глазами, нервно перебирая пеленки и распашонки, она внушала Анне:

— Врачи говорят, при хорошем уходе он может дожить и до сорока! Только надо очень много белка, и витаминов, и ингаляции, да, непременно ингаляции,

и еще, конечно, антибиотики, потому что воспаления легких будут почти постоянно. И физкультура, и массаж. Конечно, все это так дорого. Но государство помогает, и мы же работаем, и мы еще совсем не старые, мы поднимем мальчика. А медицина ведь идет вперед. Кто знает, что будет лет через двадцать, возможно, найдут лекарство. Уже сейчас говорят о будущей трансплантации легких, представляешь?

Анна не представляла. В ту ночь ей приснилась картина: пара легких, опутанных ядовито-зеленой паутиной, вырывалась из грудины. Одно стремилось вниз, где бушевало намеревающееся поглотить его пламя, другое будто хотело воспарить и исчезнуть в надвигающейся на него сверху акульей пасти. А вокруг этой ужасающей сумятицы летали мухи, копошились змеи и прыгали кузнечики. В правом нижнем углу стоял автограф, который Анна не могла не узнать. Подпись «Дали» была написана так четко и читалась так явно, что сон отступил. Нет-нет, Анна замотала головой. Гений не мог нарисовать кузнечиков. Это одна из его фобий, она сама читала интервью, как в школе, зная о его страхе, одноклассники издевались над Сальвадором и подкладывали ему за шиворот ненавистных кузнечиков. Дали не стал бы их рисовать. Это ее — Анны — сюрреализм. Девочка услышала за тонкой стеной гулкой, хриплый кашель младенца и усмехнулась. О нет! Это ее реализм. Она подошла к холсту и написала свое сновидение. Отец будет работать, мать заниматься братом, и, может быть, они все же отпустят Анну в Мадрид. В конце концов, они не так уж возражали против художественной школы. Им нравилось слушать, что у дочери есть талант.

— Пусть ходит. Тем более уроки бесплатны — так говорили родители. И хотя Анна помнила, что профессию художника они профессией не считали, она очень надеялась, что сумеет убедить их, используя в качестве аргумента бесплатное обучение. «В академию можно пройти по конкурсу, а на другие факультеты мне не попасть — я всю жизнь рисовала и больше ничего не умею, да и не хочу уметь» — такой была заготовленная ею фраза, которую она намеревалась произнести через два года.

Через два года, аккурат перед школьным выпускным Анны, отец получил производственную травму: необратимый перелом позвоночника. Он снова лежал на диване, только отвернуться уже не мог. Он вообще ничего не мог. Только плакать, когда жена и дочь переворачивали его обездвиженное тело, пытаясь избежать пролежней. В тот день, когда отца выписали из больницы на «доживание», Анна сняла с мольберта картину, над которой трудилась два месяца. Это было изображение церкви в Фигерасе. Она намеревалась отправить работу в приемную комиссию Мадрида — туда требовался городской пейзаж. Ей оставалось съездить в Фигерас раза три-четыре, и пейзаж был бы закончен. Анна убрала картину на шкаф. Она убрала туда все картины, кисти и краски. Все! Не до живописи! Не до мечты! Не до жизни!

— Анна, подумай! — Ее пожилая учительница в художественной школе едва сдерживала слезы. — Разве эти руки, — она сжимала длинные, тонкие пальцы девушки, — созданы для работы на заводе? Твои кисти рождены для создания картин!

— Я уже все решила, — упрямо твердила Анна. — Нам нужны деньги, а на завод нужны люди.

— Анна, это неправильно. То, что случилось в твоей семье, конечно, ужасно, но жертвовать своей мечтой — это неправильно.

Если бы Анна видела себя со стороны в тот момент, она бы заметила, что всего на мгновение на ее лбу промелькнула такая же морщинка, как была у отца, когда он слышал о заложенной броши.

— Время покажет, — откликнулась Анна.

Но время будто остановилось. Дни проходили, одинаково однообразные, судьба словно издевалась над Анной и ее семьей. Девушка работала на фабрике укладчицей керамической плитки. Иногда она заглядывала в художественный цех и, затаив дыхание, несколько секунд наблюдала за работой художников. Они вручную наносили рисунок, придуманный важным и строгим дизайнером, на дорогую плитку. О, если бы только Анне выпал шанс стать (нет, конечно, не дизайнером, об этом она и не мечтала) хотя бы одной из этих художниц, что часами сидели на одном месте и торжественно выписывали завитки, лепестки и веточки. Минимум творчества, минимум фантазии, но все же они рисовали. А Анна приходила домой полумертвая, а нужно было еще посидеть с отцом, вымыть его, накормить, мать ведь тоже совсем без сил — разрывается целый день между двумя инвалидами. Поиграть с Александром — малыш ни в чем не виноват, он всего лишь ребенок, которому нужно внимание. Так говорила мать, и Анна делала то, что от нее ждали. Она уже забыла, что сама совсем недавно была ребенком со своими заоблачными мечтами и радужными планами. Ей было бы легче, если бы мать проявила сочувствие, жалость или хотя бы поинтересовалась тем, что реально хотела от жизни ее дочь. Но матери казалось, что ни у кого на све-